

Юбилей *Общая газета,* *-1998, -28 мая* *-3 июня, -с. 10* живучей идеи

25 лет успеха театра «Ленком» / под руководством Марка Захарова / 19.

ПРЕДСТОЯЩИЙ юбилей Художественного театра – событие, которое затмевает собою все прочие театральные даты. Праздновать свои годовщины рядом с этой как-то вроде бы и нескромно. Даже если есть что отмечать, даже если иметь склонность к церемониям, поздравлениям, радостям светской жизни и выгодам саморекламы.

Театр «Ленком», безусловно, самый светский, точнее – самый респектабельно-буржуазный из наших театров. Не нуждаясь в рекламе, он ее и не чурается. И все же, насколько мне известно, закрывая сезон 97/98, никаких шумных торжеств театр устраивать не намерен. А жаль – Марку Захарову и «Ленкому» полагалось бы справить нечто вроде «серебряной свадьбы». Этот театральный сезон в их совместной жизни – 25-й по счету: летом 1973 года Управление культуры обручило сорокалетнего режиссера с бывшим театром Анатолия Эфроса.

Четверть века – это очень много для театрального коллектива: как правило, столько не живут. Понятно, что 100-летие Художественного театра – это праздник не в честь Олега Ефремова и сегодняшней МХАТовской труппы, а в честь театральной идеи, осуществленной в 1898-м и радикально изменившейся уже в начале 20-х годов. Труднее признать, что крутые даты в жизни сегодняшних «Современники» или Таганки – это тоже юбилей идей, а не людей. Праздники в честь творческих программ уже завершены – с надеждой или без надежды на обновление. Удивительная особенность ленкомовской годовщины в том, что можно было бы отпраздновать 25-летие действующей идеи. От «Автограда» и «Тиле», первых ленкомовских премьер Захарова, до прошлогоднего «Варвара и еретик»: эта идея не претерпевала существенных изменений, да и в ближайшем будущем готовится к переменам не стоит. Можно спорить о том, насколько крупна театральная идея Захарова. Но живучесть ее достойна восхищения.

Собственно, само слово «идея» требует оговорки: речь не идет о личной художественной системе или особом театральном языке. Скорее, надо говорить про особые свойства творческой натуры Захарова: волю к успеху, интеллектуальную трезвость, расчетливость и деловитость. Про его уважение к ремеслу и внимание к моде. Про то, что Захаров первым из театральных режиссеров России соединил тоску по мировой культуре с тягой к сенсационности, принципы серьезного искусства – с принципами шоу-бизнеса. Если бы кто-нибудь догадался об этом в 70-е годы (а задним числом кажется, что догадаться было очень нетрудно), неизвестно, кто первым предал бы Захарова анафеме: чиновники идеологического фронта или свободомыслящие интеллигенты. И тех и других победоносный прагматизм Марка Захарова должен был бы ужаснуть: российские «гасильники» и «светильники» (если пользоваться терминологией пушкинского времени) ненавидели масскульт с паразитальным едикодушным. По-своему это даже любопытно: непрямо-

мые идейные враги – советская власть и диссидентская совесть – даже и подумать не могли, что их бой – всего лишь спарринг-партнерство, игра в «войнушку». Но словно бы предчувствовали: скоро придет масскульт и упразднит их обеих.

Творческий путь Марка Захарова можно было бы уподобить искусному серфингу и поразиться тому, как умело режиссер ловит волну, как замечательно держится на ее гребне десятилетие за десятилетием. Это не только навык, но и талант: предощущать зрительский спрос и спокойно балагуровать на самой границе «можно – нельзя». Двадцатипятилетнюю историю «Ленкома» стоило бы проследить подробно. Это история благополучно преодолеваемых запретов – и идеологических, и вкусовых, которые равно важны для отечественного культурного сознания. Не будучи по натуре первооткрывателем, Захаров наделен замечательным умением угадывать скрытые качества «вещи в себе», вводить эту вещь в обиход и в моду. После раннего и горького опыта с запрещенным спектаклем «Доходное место» Захаров словно зарекся ломиться в закрытые двери, но выучился первым входить в открытые. Не он первым вывел на сцену рок-группу, но существенным событием в истории российской сценической культуры стало именно появление ВИА «Аракс» в популярнейшем «Тиле». Не он первым поставил Петрушевскую, но в общественном сознании ее имя утвердили ленкомовские «Три девушки в голубом». Самым острым, самым смелым спектаклем в период недолгого взлета театральной публицистики при Горбачеве, своего рода эмблемой театральной перестройки и гласности стала «Диктатура совести». Короче говоря, за что бы ни брался Марк Захаров, он всегда делал это вовремя и с толком.

Это не может не вызывать уважения. Это же побуждает не любить человека, слишком уверенно, слишком четко учитывающего культурную конъюнктуру. Захарова многие и не любят: за автоматизм выигранных ходов, за самодостаточную эффективность театральных аттракционов, за то, что «Ленком» стал фабрикой по изготовлению актеров-звезд – за некое сальерианство, если угодно. Уж если художник так прагматично поверил алгеброй гармонию, значит, Моцарта он в себе отравил. Это уж наверняка.

А был ли Моцарт? Одна из самых паразитальных удач и заслуг Захарова в том и состоит, что на рубеже 70-х, в период не вполне изжитых романтических иллюзий, он твердо и спокойно осознал в себе отсутствие «моцартовского начала» – и не стал заниматься не своим делом. Умник и книжник, он первым признал права обывателя на серьезное искусство. Он сумел найти единое решение для задач, меж которыми в России всегда полагалось делать выбор. Так что Марк Захаров загодя стал героем нашего времени. Как относиться к этому времени – личное дело каждого, но живем мы в нем все вместе.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ